

в и л л и

ИНДИЙСКАЯ
МЫШЕЛОВКА

Геликон Вилли

Индийская мышеловка

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11816034

Индийская мышеловка. Повесть: Геликон Плюс; Санкт-Петербург;

2017

ISBN 978-5-00098-125-2

Аннотация

Наверняка у каждого из нас есть такой знакомый, который уезжал в Индию за просветлением и самопознанием. Действительно ли это магическое место, обладающее особенной силой? Книга Вилли «Индийская мышеловка» развенчивает многие мифы, связанные с восприятием этой страны. В «Индийской мышеловке» автор с юмором делится опытом выживания в стране священных коров и наблюдениями за такими же, как он, любителями путешествий. И как бы ожидания ни шли в разрез с реальностью, всё же Индия многое изменила в жизнях героев.

Вилли

Индийская мышеловка

Повесть

Пока не появились те двое русских, все шло гладко.

Всем пострадавшим от моды на просветление посвящается. Аминь.

Индия, январь 2013

Норвежец Маркус вечно топит печь в своем домике, чуть ниже по склону. Дым стоит коромыслом! Он уже четвертый раз в Индии, а в деревушке X – впервые. Он, как и все хиппи из Гокарны, ходит замотанный во всякое индийское тряпье; вечно поправляет пашмину из шерсти яка, которая так и норовит слететь с его плеч. В этой пашмине определенно живут какие-то насекомые. Впрочем, как и в моем матрасе...

Когда я прогрел дом большими камнями из костра – у меня-то нет печки, – меня сразу начали покусывать. Теперь они и в мой спальник забрались, эти подлые насекомые. Они что, тоже собираются путешествовать?! Ну ничего, ничего, их, в общем-то, не так и много, они почти и не кусают. Может, из-

за высоты? Мы ведь примерно на двух километрах над уровнем моря. У них, должно быть, как и у меня, голова от такой высоты кружится. Первое время я только и делал, что спал.

Я почти никуда не хожу, торчу здесь, в «пэйнтин-хаус», как называет его хозяин. Домик и правда красочный: стены из серых неровных камней, а швы выкрашены ярко-оранжевой краской. Дверь и окно – зеленые.

Хозяин – этот улыбчивый полтораметровый тамил – берет с меня четыреста рупий в сутки за однокомнатный домик, в котором нет ничего, кроме кровати, маленького складного столика, металлического, проржавевшего до дыр стула и вязанки дров в углу. Ни раковины, ни туалета – ничего здесь нет.

Конечно, вы сразу станете утверждать, что туалет есть в кирпичной пристройке на углу дома и там же есть малюсенький латунный краник, торчащий из стены. Согласен, все это есть, но вода в этом кранике – ледяная! И она всегда льется на ноги. А по утрам здесь вовсе не жарко. Градусов, думаю, десять, не больше. Но все это, конечно, мелочи. Все это глупости и пустяки, ведь с моего крыльца открывается лучший вид на долину! Ни с одного крыльца в этой затерянной в горах деревушке вы не увидите того, что вижу я каждое утро и каждую ночь.

Каждую ночь высыпают звезды и выплывают низкие гигантские облака, из-за которых долина в свете своих мелких оранжевых и желтых огоньков выглядит точно сфера. Ты

чувствуешь себя настоящим Мерлином! Или еще кем-то, не знаю... В общем, мистическое создается настроение, хоть я и не верю ни в какую мистику.

А утром, если встать пораньше – часов хотя бы в восемь, – облака выплывают снизу, ползут по склону, разбиваются о тебя влажной прохладой и поднимаются наверх, чтобы слиться с другими облаками или чтобы раствориться на полпути. Незабываемо это все. Я верю, что эти облака даже из последнего мерзавца хоть на пару мгновений, да сделают доброго человека.

Норвежец Маркус уже месяца три торчит здесь, а я торчу всего три недели. Ровно три недели прошло с тех пор, как Кристина меня бросила... Да, опять. Это даже смешно.

В тот вечер мы хорошо покурили травы. Покурили и, как у нас водится, разоткровенничались. О, вот это действительно нелепая вещь – быть откровенным под травой! Мой вам совет – никогда так не делайте. Под алкоголем – еще куда ни шло, а откровенничать под травой – полнейший идиотизм и слабоумие! Нельзя это забывать. И несчастен тот, кто забудет!

Вот, значит, в тот вечер Кристина рассказала, что у нее был небольшой романчик в Гоа, пока я там, в своем мрачном Петербурге, пытался решиться на путешествие, точно Раскольников на убийство бабушки... А я в свою очередь рассказал ей о Нике. Я признался, что выбрал Нику... Но Ника умерла, и вот я, мол, сейчас здесь и с тобой, дорогая моя

Кристина. На этом все. Мы посмеялись и легли спать.

Утром она собрала свой рюкзак и сказала мне, что на этом действительно все. Все кончено. Теперь уже навсегда. Она уехала... А я снова остался в дураках. Но я уже привык: привык проигрывать и не считаю, что быть проигравшим по жизни – это так уж плохо. У каждого – свои радости; у меня, например, есть эта деревня, и я наслаждаюсь своими деньками. Ни одна сволочь меня здесь не достанет! Безопасность и благополучие. Здесь можно ненароком превратиться в человеколюбца.

Все хорошо! Все! Вот только нет никакой определенности у меня в жизни. Теперь я торчу здесь и не понимаю, что делать дальше. Никакая кругосветка, похоже, мне не светит – я же топографический кретин, какая тут кругосветка! Ха-ха! Кругосветка! До соседней деревни я еще могу дойти, ну до близлежащего города У тоже могу. Ну, положим, даже обратно в Гоа я смогу добраться: на автобусе, затем на поезде... затем снова на автобусе... Но вот в кругосветку!.. В кругосветку, сами понимаете, я не могу.

В Индии я с середины октября. А сейчас уже январь на дворе. Вот и считайте... Месяца три я уже в Индии. А словно три года!

«О, о, кто это? Кто там бежит? Вы смотрите! Да это же моя гончая прискакала!»

Она ловко скачет, словно маленькая кобылка, по всем этим горам и ухабам. Тут легко свернуть себе шею. Моя гон-

чая никогда не ошибается: всегда приходит точно к завтраку и точно к ужину – я ведь теперь не обедаю, – приходит и высовывает свой узкий, длинный язык, словно кусок ветчины, и просит еды. «Хэ-хэ, хэ-хэ, хэ-хэ...» – дышит она часто, взволнованно. Я всегда ее кормлю. Всегда! Даже когда самому есть нечего. Мне-то что: я сейчас мало двигаюсь, мне много еды не надо, а вот она вечно носится по горам – ей нужно питаться.

Моя гончая тощая, темненькая, с большими глазами – точь-в-точь как я. Я даже не знаю, самка это или самец. Хм... хм... думаю, все-таки самка... Ну-ка, а действительно, вот же сосцы. Да, это самка. Главное, что я о ней знаю: гончая обожает яичницу с помидорами и луком! Это ее любимое лакомство! Очень ласковая собака. За три недели она ни разу не гавкнула. (Может, она глухонемая?)

«Ладно, ладно, забирай остатки яичницы, я специально тебе на отдельную тарелку положил. Вот, молодец. Ну, не отвлекай меня, я тут кое-чего записываю...»

О! А кто это тебя так? Кто тебе попортил шкуру? Что это за ссадина? Ну-ка... а, понятно, да, все ясно, это от колючей проволоки. Ты вечно лезешь, куда не следует. Тут ведь повсюду колючая проволока: и тут и там – по всей деревне. Она отделяет участки или группы участков – где как. Ты хоть понимаешь, что такое частная собственность? А? Ладно, забудь, не верти так мордой...»

Когда еда заканчивается – в конце недели, – мне приходится подниматься вверх по склону, метров на двести или сто пятьдесят, и брести в сторону города на воскресный рынок. Это, говорят, километров десять или около того.

Каждый раз на полпути я встречаю стаю обезьян, которых кормят индийские туристы из Дели и Мумбаи. Туристы в голубых рубашках и в бежевых или черных брюках, они чураются местных деревенских индийцев, задирают свои столичные носы... А обезьяны жрут все подряд, дерутся между собой и кидаются в высокомерных туристов камнями и, возможно, засохшим коровьим дерьмом. В прошлое воскресенье я еле увернулся от хорошего булыжника. (Этих записок могло и не быть.)

В Индии вообще обезьяны наглее, чем в других странах. Вот, к примеру, в Шри-Ланке обезьяны совсем не такие. И дело тут даже не в их разновидностях, нет, ведь и в других странах есть точно такие же, один в один, а ведут себя иначе. В Шри-Ланке у обезьян есть инстинкт самосохранения, а здесь... здесь обезьяны мало кого боятся.

Индийские обезьяны – это гопники обезьяньего мира. Они у меня как-то, еще в Гоа, – вернее сказать, это уже не совсем Гоа... а впрочем, не важно, вы все равно запутаетесь в названиях, если я буду все уточнять; даже я уже начинаю путаться, – в общем, еще в Гоа эти обезьяны ограбили меня! Налетели вдсятером и отняли целую связку бананов! Я пытался сопротивляться: шипел на них, топал ногами, выпучи-

вал глаза, скалился – словом, изображал дикого зверя, но все было без толку, ограбили меня и не постеснялись.

Эти обезьяны только собак боятся. Во всяком случае, если говорить о городах и деревнях, где, разумеется, нет никаких крупных хищников. Зато есть собаки. Моя гончая меня охраняет, пока я кормлю ее завтраками и ужинами...

Обезьяны приходили на прошлой неделе. Они обнесли магазинчик улыбчивого тамила. Украли все его чипсы и лапшу быстрого приготовления, забрались на дерево и давай шуршать пакетами. Хозяин пытался кидаться в них камнями, но промахивался, пытался согнать их длинной палкой, но обезьяны лишь запрыгивали на пару веток выше. Обезьяны всегда выигрывают в этих схватках. Ладно, хватит об обезьянах. Пока хватит. От них, конечно, в Индии никуда не денешься, они повсюду... но пока оставим их.

Так вот, этот славный норвежец Маркус – надо о нем рассказать, ведь, кроме него и одного кудрявого израильянина, ко мне никто больше не заходит, – норвежец Маркус впервые приехал в Индию три года назад. Приехал в двухнедельную командировку в Дели, да так его Индия впечатлила, что обратно в Норвегию он не захотел. Не захотел, но все же пришлось ему возвращаться: какие-то неотложные дела...

В первый же после командировки день Маркус уволился, а уже через месяц, уладив все свои норвежские дела, вернулся путешествовать по Индии. Это было в 2010-м. С тех пор он и не брился. Глядя на него, представляешь себе Вудсток.

Маркус что-то недоговаривает. Пока не ясно что, но я обязательно выясню, раз уж я взялся все это законспектировать. (Разумеется, все имена и названия изменены. Но если он все-таки получит Нобелевскую премию, то вы поймете о ком идет речь.)

Маркус каждый год на два летних месяца возвращается домой – в Осло, а затем, по осени, возвращается назад в Индию: путешествовать и медитировать. В медитациях он преуспел и этого не скрывает, а даже наоборот – любит об этом рассказать. Он и мне советует медитировать где-нибудь на скале. В этом году он нигде, кроме деревушки X, еще не был. Пока что его планы смутные, как и мои. Маркус не знает, куда, когда и зачем он поедет. Я его понимаю: это место затягивает, здесь никого не хочется видеть. Вполне достаточно звезд, огней долины, гончей и бизонов...

О! Вот про бизонов, про бизонов вы обязательно должны послушать! Бизоны – это их тамил так называет, а на самом деле это индийские быки гауры – это дикие быки. Говорят, они совсем не опасны для человека... Может, в других частях Индии это и так, но насчет деревушки X я ручаться не стал бы. Самки приходят с детенышами, а за детенышей они, сами понимаете, растопчут кого угодно. Не со злобы, конечно, но какая, в сущности, разница, растоптали тебя со злобы или по ошибке?! Мне вот никакой разницы! Но опять же и гауры боятся собак...

Эти «бизоны» приходят по ночам и топчутся у меня на

крыльце, за хлипкой деревянной дверью. И если бы они вдруг захотели ко мне вломиться, то им бы это не составило никакого труда. Крыльцо у меня бетонное, и звук еще тот получается. «Цок-цок, цок-цок...» – топчутся они по ночам, словно черти. И дышат так тяжело, словно усталые черти.

Прямо возле моего красочного дома пролегает их бизонья тропа, а около пристройки с туалетом находится их туалет (небольшая, почти горизонтальная лужайка за домом), они там все засрали! Местные говорят, что бизоны нечасто приходят из леса. Но с тех пор как я здесь остановился, они приходят почти каждый вечер, а потом еще и ночью. Так что смотреть на красоты звезд и долины не всегда безопасно. А уж в туалет среди ночи – чистое сумасшествие! А я по большей части вменяемый и знаю, что лучше уж потерпеть до утра, чем нечаянно стать незадачливым тореадором.

Гауры приходят из-за костра... Их наверняка приманил запах еды. Они, как и гончая, хотят поживиться чем-нибудь вкусненьким. Им уже давно надоело питаться одной травой.

А теперь прервемся. Всего лишь на пару мгновений. Вы, должно быть, уже решили, что я так и буду нудеть монотонно до последней страницы? Так ведь? Решили? Но нет, нет, не до последней. Нудеть я, конечно же, буду, но не до последней страницы. Поверьте, все это необходимо, чтобы вы понимали, что к чему в этой деревушке, и понимали мое настроение в тот период. И пока я подробно не расскажу вам про деревушку X, с места мы не двинемся. Наберитесь терпения! В

конце концов, некоторые ведь и Марселя Пруста читают! Да, некоторые мои знакомые читают Марселя Пруста и даже – представьте себе! – смеют утверждать, что ни разу не задремали в процессе чтения. Я вот честно скажу: задремал! Да, винюсь, задремал... и не единожды. Но как сладко я тогда спал! Как кот!

Ах, подождите-ка, да ведь я же вам, кажется, еще про здешних евреев ничего не рассказывал! Не рассказывал ведь? Ну тогда слушайте! Это же настоящая еврейская индийская деревня! Израильских бэкпекаров здесь столько же, сколько и местных жителей, а может, уже и больше. Они закупаются здесь на недельку-другую, иногда на месяц, иногда даже на два месяца или на три, а потом едут дальше.

В деревушке X нет ни гостиниц, ни гестхаусов, ни хостелов, – ничего такого здесь нет. Здесь только жилые одноэтажные и двухэтажные домики, которые сдаются в аренду местными жителями. Домики – настоящие развалюхи! Многие местные перебрались жить в город Y, а свое старое жилье сдают туристам. Так что туристы живут, как индийцы прошлого века: без канализации и душа. Мыться приходится из ведра.

А израильские евреи здесь повсюду, здесь даже единственное на всю деревню кафе – и то израильское. Вернее сказать, итало-израильское. Я ужинал там однажды... Что тут скажешь, они делают очень неплохой фалафель!

Среди израильтян полно дембелей, даже среди женщин.

Они все такие бравые и бесцеремонные, словно негры из Гарлема. И такие же шумные, как негры из фильмов про Гарлем. Они совершенно не похожи на тех евреев, какими я привык их себе представлять.

Ну так вот, Сема – он как-то забрел на мой вечерний костер – до семи лет жил в Одессе, а затем с бабушкой переехал жить в Израиль. Вот Сема похож на тех евреев, какими я привык их себе представлять. Но только в общении, а на лицо – русский русским.

Сема заходит ко мне иногда, он любит покурить биди у костра, у меня на лужайке перед домом. Лужайка совсем пологая, почти горизонтальная, а за ней склон становится круче.

Сема не служил в армии. Он смеется, когда я пытаюсь выяснить, как он в Израиле сумел откосить. С виду он совершенно здоровый человек. (Может быть, у него с головой нелады?)

Сема говорит по-русски с акцентом, иногда он забывает некоторые слова и заменяет их английскими.

– О, Уильям, у тебя в доме нет э-э... китчен?..

– Нет, Сема, я готовлю на костре. Наверное, это из-за него приходят бизоны.

Сема присматривается к моему домику. Он в курсе, что во всей деревне не сыскать такого вида на утренние облака и на ночную долину, какой открывается с моей лужайки. Во всем штате Тамил-Наду не сыскать такого вида! Я думаю,

что и во всей Индии не сыскать.

Мне повезло, раньше этот домик не сдавали, это личный домик улыбочивого тамила! Он вырос в нем. Тут повсюду висят фотографии тамила, по пять штук на каждой стене. Фотографии с мамой, папой, сестрой... Многие на фоне Тадж-Махала. У улыбочивого тамила, кажется, пять или шесть домиков и лавка. Словом, он не из бедных. Интересно, из какой он касты?

А Сема все спрашивает, когда я собираюсь уезжать. Он мечтает об этом домике, вожделеет его. Он, похоже, надолго здесь.

– Сема, в этом домике полно насекомых. Оно тебе надо? Ты прививки делал?

И так далее. Оказалось, что прививки он делал. И матрасы можно поменять. У него вот в матрасе никаких насекомых нет.

– Ну и молодец, Сема, молодец! Но домик я тебе не уступлю... Не надо мне твоей травы. Что? Целый пакет? Хм... нет, все равно нет, не уступлю, извини.

А Сема посмеется, посмеется и опять за свое.

Вот так, кроме Семы, Маркуса и улыбочивого тамила, ко мне никто не заходит. Но я этому только рад. Перед тем как продолжить свое путешествие, я решил немного отдохнуть от людей. Понимаете, о чем я? Нет? Индийцы – они утомляют почти так же сильно, как и мои любезнейшие соотечественники... А может, и еще сильнее.

Вчера ночью ко мне завалились три индийских туриста из Мумбаи. Они искали Маркуса. Туристы хотели купить у него травы. Забавно, не правда ли? Индийцы покупают траву у норвежца. Куда мир катится?! Совершенно неизвестно куда...

В полпервого ночи укуренные индийские студенты начали барабанить в дверь. «Бум-бум-буру-бум-бум» – я уж подумал, что бизоны поумнели и решили меня проучить (чтобы не бросал сковородку с остатками еды на улице).

Ну я открыл... и показал туристам, где живет Маркус. Так они потом – вместе с Маркусом – всю ночь ржали у него на крыльце и жгли двухметровый костер. Почему двухметровый? А я из окна видел, что костер был по плечо Маркусу. А Маркус – два пятнадцать...

Ха! Они даже бизонов не заметили. А ведь бизонья тропа пролегает как раз между моим домом и домом Маркуса. Они и вчера приходили. У них глаза светятся зеленым, когда направляешь фонарь в их сторону. В первый раз было очень страшно.

– Ты ко мне вчера не заходил, пока меня не было? – спросил Маркус.

– Не-а... А что?

– У меня трава пропала. Целый мешок! Представляешь себе?!

– Ага... Ты думаешь, это я украл?

– Да нет, ты что, я так не думаю, – пошел он на попятный.

– А как бы я, по-твоему, вошел? Через окно? Там ведь решетка.

– Нет, нет, я просто дверь не запираю. Замок заедает.

– Хм... И что же мы теперь будем делать без травы? – осведомился я.

– У меня еще один пакет остался. Я хотел продать, но... Ладно, ничего страшного.

– Ладно... Может, индийские туристы украли? Как думаешь? – спросил я.

– Скорее всего... Но они уже уехали к себе в Мумбаи. Я надеялся, что это ты одолжил. А если они взяли, то теперь точно не вернут.

– Да, – кивнул я.

В сентябре, когда он сюда только приехал, у него была целая сумка травы, грибы, плитка опиума размером с большую шоколадку... Он уже почти всё распродал.

– Крысы, – прошипел Маркус.

– Да, им нельзя было доверять.

– Я думал, что научился отличать подлецов от порядочных.

– О, это непросто. Ты это, наверное, про покачивание головой?

– И про это тоже. Много примет, очень много, легко запутаться.

– А, ну да, ну да...

Ну не знаю, что там насчет остальных примет, а вот покачивание головой – примета самая верная! Вот что я вам, дорогие мои, любезнейшие мои друзья, скажу по поводу этих покачиваний головой, по поводу покачивания из стороны в сторону, от одного плеча к другому. Это всего лишь знак согласия, как у нас кивок; и это, как любит говорить Маркус, язык тела. Так делают те, кто еще не испорчен туристическим долларом. А вот всякие там помогалы – гадкие несносные клопы – давно уже сообразили, что далеко не все туристы понимают, что означает это покачивание. И помогалы бросили это дело, больше они своей башкой не качают! Им это совершенно ни к чему, они же нацелены на результат! В Индии ты первым делом сталкиваешься с этими клопами, и из-за них можно ничего больше не увидеть. Они просто заслоняют собой все остальное, и тебе кажется, что здесь сплошной культ лжи и подлости. А ведь это не совсем так...

Вот! Вот поэтому я и застрял здесь, в деревушке X, где

индийцы не такие, как в других городах и штатах. Здесь им на тебя просто-напросто наплевать и начхать, они тебя не трогают по пустякам. Они имеют с тебя четыреста рупий в сутки – и ни рупией меньше. И никаких несносных клопов! (Ну разве что в матрасах...) Все по-честному! Все должно быть по-честному!

Местные просто взяли и сговорились, и никто в этой деревне не торгуется. Четыреста рупий, и хоть ты тресни! В Гоа, к примеру, я снимал комнату за двести рупий. Комната была в два раза больше, чем весь этот дом. Ну, впрочем, я не за этим здесь. Главное – по утрам ты над облаками. Каждое утро – душевное очищение и легкость в груди. На целых две минуты! На дольше удержать это ощущение не получается. Но я не устану пытаться!

А Маркус продолжает:

– Ну, давай покурим.

– Ну давай.

И мы курим...

Индийская трава вставляет как надо. Аж в ушах зазвенело! Улегся на лужайке, смотрю на небо... А гончая куда-то пропала. Теперь до ужина ее не ждите. У нее свои дела! У нее самые хитрые глаза на планете Земля. С такой немислимой чертовщинкой.

– Почему в Гоа столько русских? – спросил вдруг Маркус.

– Потому что для русских это дешево, – ответил я почти сразу.

– Ну да, Индия ведь. Индия – для всех дешево.

Я хотел ему объяснить, что туда дешевые пакетные туры и так далее, но из-за травы не смог. По-русски – смог бы, а по-английски – не получилось... У меня, понятное дело, в эти месяцы прогресс с языком, но не настолько и не под травой.

– А как люди в Норвегии живут? – спросил я от нечего делать.

– Очень скучно. Монотонно, – чуть погодя ответил Маркус.

– Как здесь?

– Нет, нет, не как здесь... Здесь ты монотонно наслаждаешься жизнью, а там монотонно гниешь на работе! Работа... работа... работа... материальные блага... – он изображал тошноту с помощью высунутого языка и двух пальцев.

– О! Вот это мне нравится. Хорошая мысль. Я запишу ее в блокнот, – сказал я и достал из заднего кармана брюк блокнот и ручку.

Вечерами он марает бумагу. Он пишет книгу об Индии. Уже два года пишет. Это что-то вроде исследования индийской души. Серьезная работа, никакой художественности, нет, чистая наука! Маркус жил в индийских семьях – и в бедных, и в богатых, он хорошо изучил их за три года. Он предпочитает бедных – низшие слои общества. Они вроде как аутентичны и честны. Особенно неприкасаемые, они самые аутентичные (его слова)! А богатые – они во всех странах одинаковые. Богатый индиец – уже совсем не индиец. Он

как европеец, только с гигантским самомнением... О, вот в этом они похожи на русских толстосумов. Из грязи, как говорится, да в князи!

– Ты обедал? – спрашивает меня Маркус.

– Нет, я не обедаю. На костре долго готовить. Я плотно завтракаю и плотно ужинаю.

– Хм... я собираюсь пообедать. Приготовил вот вчера тали.

– Тали? Что, со всеми соусами?

– Ну не то чтобы со всеми, но с пятью соусами.

– А картофельный там есть? – поинтересовался я.

– Да, конечно, есть. Хочешь?

– Ну... раз картофельный есть, тогда не отказался бы.

Маркус принес рис и соусы... У него есть маленькая газовая плитка, на ней он и готовит. Вообще-то здесь почти в каждом доме есть кухня и маленькая газовая плитка. А я от своей отказался. Боюсь, что взорвется, – ничего с собой не могу поделать.

– Ну как? – спросил Маркус.

– Как в хорошем ресторане! Ты где научился делать эти соусы?

– Я жил в семье повара в Варкале. Он, кстати, несколько лет проработал в ресторане в Москве. Ты ведь из Москвы?

– Нет, Маркус, я не из Москвы. Я из Санкт-Петербурга. Может, слышал?

– Да, конечно, я слышал. Он у меня в списке. В следую-

ший раз я поеду в Индию по земле и обязательно заеду в Санкт-Петербург. Мне много кто советовал там побывать. Только, говорят, там опасно?

– Да нет, что ты, там вовсе не опасно! Почти неопасно... Хотя, если сравнивать... А кто говорит, что там опасно?

– Канадец... Старый канадец. Он жил здесь в октябре. Вон в том доме, – махнул он рукой в сторону домика Семы. – Дед канадца был из Санкт-Петербурга.

– И что этот канадец рассказывал?

– Он был в Санкт-Петербурге. Его там избили и ограбили.

– О, это да, такое там сплошь и рядом. В Санкт-Петербурге надо быть начеку. Особенно иностранцу. Надо знать, что к чему. А если знаешь – тогда почти неопасно. Все как с местными гаурами. Везде свои правила!

– Гауры неопасны, – скептически посмотрел на меня Маркус.

Я пропустил мимо ушей.

– А что он еще рассказывал о Санкт-Петербурге? – спросил я.

– Сказал, что там очень красиво, атмосферный город. Особенно весной, в мае.

– Да, он все правильно сказал. Так и есть, – подтвердил я.

Я доел тали и поставил металлическую тарелку на траву. Облака снова, как и утром, поползли вверх по склону и принесли прохладу. Из-за них мое белье, развешанное на веревке, натянутой между двух деревьев, уже второй день не мо-

жет высохнуть.

Стало холодать, и я сходил в дом за пончо. Я потерял свою кенгуруху – мою единственную теплую вещь – еще в Анжуне, в Гоа, и мне пришлось купить пончо на блошином рынке. Оно из мягкой шерсти, оно полосатое и нелепое. Кажется, насекомые и в него уже забрались... или мне просто кажется. Вполне возможно, что это опять аллергия.

Я надел пончо и сел на место. Теперь мы точь-в-точь как банда хиппи. Он в своей пашмине, и я – в пончо. Он весь в бороде, да и я уже давно не бреюсь. Здесь никто не бреется. А какой, спрашивается, смысл?! Мы же не англичане!

Маркус посмотрел на меня, как будто хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. У Маркуса такой взгляд... Странный, в общем, у него взгляд. У тех, кто долго путешествует по Индии и Непалу, у всех такой взгляд. Просветленный, что ли, не знаю... В этом взгляде совсем нет суеты. Интересно, а какой у меня сейчас взгляд? Маркус ведь сразу догадался, что я впервые в Индии.

– Ну а тот повар, который жил в Москве, что он говорит о России? – поинтересовался я.

– Россия ему понравилась. Только, говорит, очень холодно. И один раз его избили. – Маркус посмотрел на меня. – Как думаешь, меня тоже избыют в России?

– О, тебя, думаю, нет. Ты же сколько, два пятнадцать, кажется?

– Ну да, – ответил Маркус.

– Тогда нет, можешь не беспокоиться. Ты слишком крупный, тебя не тронут.

Маркус засмеялся. Он доел тали, забрал тарелки и ушел спать. Ночью он ходит по обзорным площадкам. Говорит, что там великолепные виды ночью. И непередаваемые ощущения! Словом, волшебство, сказочные места! Может, и я как-нибудь с ним схожу. Дорога, правда, горная, надо спускаться вниз по гигантским корням деревьев и по камням, а я и днем-то там спотыкаюсь, а уж ночью... Плюс гауры – про них тоже не стоит забывать!

Маркус вошел в дом, и через некоторое время из трубы повалил дым. Печь в доме Маркуса почти все время пожирает дрова. Он любит тепло, хоть и ходит в этой тонкой набедренной повязке дхоти, как индеец. Может, под дхоти у него шерстяные шорты? Кто знает, кто знает...

А дрова, между прочим, не бесплатные: двести рупий за небольшую вязанку! Для меня это дороговато. Очень уж быстро они заканчиваются. Ну а собирать самому – нельзя, таков уговор с хозяевами. Таков уговор! Хочешь собирать дрова – иди в глубь леса. А до леса не так уж и близко, учитывая, какая дорога... и там полно диких зверей. Опять же гауры... Вот около города Y все леса исхожены трекерами – там уже ни на кого не наткнешься, а здесь – запросто. Наверняка в глубине леса сплошные змеи...

Темнеет в деревне X рано, часам к семи – хоть глаз коли, никаких огней вокруг, только свет луны и сфера долины да-

леко внизу. Ну да, конечно, конечно, на деревянном косом столбе, перед самым домом, есть лампочка. Вот только толку от нее мало: она освещает лишь небольшую полянку, где я жгу костер, и притом подло слепит мне глаза. Ты как бы на виду у всех тех, кто бродит в темноте по склону... Они тебя видят, а ты не видишь ничего дальше двух-трех метров. Поэтому я редко ее зажигаю. «Безопасность прежде всего!» – вот мой рыцарский девиз.

* * *

День потихоньку уползал куда-то за горы, облака стали рассеиваться. Темнело. Небо над горами распадалось на множество слоев: белое, светло-голубое, голубое, синее, темно-синее, оранжевое, желто-оранжевое, желтое, снова голубое вперемешку с белым... Множество оттенков в каждой из полос на горизонте. Горы в тени: плоская, двухмерная чернота гор под цветастыми небесами. Трепет и дыхание. Больше ничего. Я не могу передать, насколько это было пронизывающе и чисто. Просто вспомните самый красивый закат, почувствуйте трепет, и даже если вы настоящий подонок или, как сейчас модно, циник и душная сволочь, то все равно, я уверен, вы почувствуете, что не всё в этом мире сплошная грязь, а только лишь подавляющее большинство прямоходящих (и то не по своей воле).

Я, как и в любой другой вечер, развел костер и стал го-

товить ужин. Ужин – это главное развлечение здесь. И вот, гончая тут как тут, вертит тощим хвостом и вытянутой мордой. Проголодалась моя любимая сука!

– Картошку будешь? Тебе с овощами или так? С овощами? Ну держи.

Она уплетает и дает себя погладить по голове. У этой гончей настоящая осиная талия и сильная грудная клетка. Она двухцветная: черная и белая.

– Крекеры с авокадо будешь? Нет? Ну как хочешь, а мне нравится. Это даже лучше, чем крекеры со сливочным маслом. Да ты, должно быть, никогда и не пробовала сливочного масла. Бедное животное! У них тут в лучшем случае паршивенький маргарин, и то редко где найдешь.

– Уже с собаками разговариваешь? – появился вдруг из темноты Сема.

Он без фонаря... почему-то. Прогулка без фонаря здесь запросто может стать последней.

– Это умная собака, она умнее многих моих знакомых. С ней приятно общаться.

– Да-а, – покачал он головой и хитро улыбнулся.

– У тебя еще остались биди? – спросил я.

– Да, конечно, – полез он в карман коричневой конопляной куртки.

Сема тоже хиппует, как и Маркус. Он не бреется, ходит весь растрепанный в своей мешковатой одежде из конопли и кожаных сандалиях. Тут вообще все хиппуют!

– У Маркуса украли траву.

– Как украли? Всю? – заволновался Семен.

– Нет, нет, не всю. Но большую ее часть...

– А кто украл? Когда? Как это произошло? – не успокаивался он.

– О, я не знаю. Он не запер дверь, и трава пропала. Возможно, это индийские туристы. Они вчера с ним полночи костер жгли. Но я наверняка не знаю.

– Нельзя доверять индийским туристам! – воскликнул Семен и затянулся биди.

– Да я знаю, я это уже тысячу лет назад понял. Ты лучше Маркусу это объясни.

Гончая слопала свой ужин, дала себя погладить и убежала в сторону кафе. Кафе находится почти на самом верху. Там, возле кафе, заканчивается дорога, ведущая из города Y, и начинаются две тропы, по которым можно передвигаться исключительно пешком (само собой, периодически спотыкаясь!). В первый же день, когда мы с Кристиной только приехали сюда, я упал и порезал руку о какую-то ржавую железяку в самом начале тропы, ведущей к моему домику. Упал и возрадовался, что перед отъездом все-таки не поленился сделать прививки!

У кафе с самого раннего утра и до самого позднего вечера торчат таксисты на своих индийских внедорожниках наподобие УАЗ и седанах наподобие ГАЗ-21. Тут горы и прохлада, так что никаких тебе дешевых рикш – только такси.

Таксисты – как и местные домовладельцы – не торгуются! Они лучше целый месяц простоят без работы, чем скинут хоть сто, хоть пятьдесят рупий.

Такси привозит туристов прямо к кафе. Туристы бросают там свои гигантские рюкзаки и идут искать жилье. Потом, найдя себе какой-нибудь домик-развалюху, возвращаются, охая и ахая от великолепных видов деревушки X, говорят друг другу: «Итс эмэйзен... оу йеа, еа... оау... итс эмэйзен!.. Этой деревни нет в Lonely planet, мы великие путешественники! Забрались в такое экзотическое местечко! В моей стране я самый смелый путешественник... да, да!..» – «Определенно, во всей Италии не сыскать такого матерого путешественника, как ты, дорогой Помпео...» Они обедают фалафелем, пиццей, лапшой с курицей или еще чем, кормят мою гончую объедками и расходятся по своим домикам.

Я знаю, в кафе гончую неплохо подкармливают. Может, даже лучше, чем я. Но гончая все равно – да, я в этом уверен и уверенность моя непоколебима! – любит меня больше, чем этих глупых богатеев из развитых стран!

На прошлой неделе я застукал гончую за поеданием фалафеля на лужайке перед кафе, продажная она все-таки шкура! Мне показалось... нет, я был просто уверен, что ей стало неудобно! Но я решил не смущать ее, просто купил в магазинчике, рядом с кафе, неспелые помидоры – других здесь не купишь – и ушел к себе. Ну ничего, ничего страшного не произошло. Оно и ясно: я уеду, а гончей тут еще жить. Ей

надо налаживать связи. Понимаете? Куда в наше время без связей?! Да никуда в наше время без связей! Даже собака это понимает.

Ну, я стал лопать свой скромный ужин прямо со сковороды. А Сема не стал ничего лопать, он замечательно поужинал в кафе. Мне вот не нравится в этом кафе, там слишком уж шумно. Это для меня чересчур! Все туристы знакомятся и обсуждают свои маршруты, хвалят друг друга, подбадривают, громко смеются, изучают свои толстенные Lonely planet. Они без этой книги – ни шагу не сделают. Все должно быть проверено и одобрено! А если сделают хотя бы шаг, то это уже целая история, которую они еще внукам будут рассказывать! Как же эти люди обожают преувеличивать!

Ну так вот, лопаю я, значит, со сковороды свой великолепный ужин, а Сема лопает крекеры с авокадо, курит биди и все пытается выведать, когда я отсюда свалю.

– А куда, Уильям, ты дальше поедешь? – и улыбается; улыбка в свете костра еще хитрее.

– Хм... не знаю, Семен, не знаю! Может, обратно в Гоа... или в Гокарну. Или, может быть, на север, в Раджастан. Хотя нет, на север я поеду позже... по пути в Непал.

– Да, да, ну и когда же? – лыбится он.

– Не сейчас, я еще не отдохнул... Мне пока что и здесь неплохо.

– Ну да, ну да, здесь неплохо в самом деле, – кивает Сема и греет у костра свои ладони.

С Семей я словно уже сто лет знаком, он вылитый один мой знакомый. У него те же повадки. Этот мой знакомый всегда был спортивным парнем: играл в футбол, ненавидел евреев, ходил на футбольные матчи – в общем, обычный молодой человек из спального района. Он только на свое восемнадцатилетие узнал, что сам наполовину еврей... и тогда сразу перестал говорить о евреях. Вообще перестал! Он просто запутался. Теперь он не знал, куда ему приткнуться и во что верить. Он же не мог обвинять самого себя! Значит, евреи не виноваты! Ни в чем! Так-с, что у нас получается: если во всем виноваты не евреи, то тогда кто? Неясно... совершенно неясно! Может быть, арабы?.. Неясно, нет, непонятно... Ему нужно было время! Ну а к двадцати пяти он стал носить всякие иудейские штучки, съездил в Иерусалим, и у него даже акцент появился. И теперь я каждый раз удивляюсь, когда вспоминаю, что раньше у него никакого акцента не было. Он искал себя – он нашел себя! Вот и вся идеология! Красивый урок, ничего не скажешь.

Сема оставил мне сверток с биди и ушел к себе. В свою конуру на втором этаже. И тоже без печки! Ну, зато у него есть деревянный балкон, и он повесил там гамак, в котором и дрыхнет дни напролет. Я бы тоже хотел гамак, да вот только негде его повесить. Слишком редко растут деревья на этом склоне.

Я выкурил еще одну биди, помыл сковородку в ледяной воде и пошел в дом. Рук я уже почти не чувствовал.

Уселся на стул, открыл дневник, засунул руки под задницу – для тепла и стал перечитывать написанное...

От биди у меня закружилась голова, и я отвел взгляд на оранжевую стену – всю в белых разводах. Эти оранжевые стены вечно пачкают мне одежду, когда я забываю, что нельзя к ним прислоняться. Сейчас разводы медленно плыли по стене... к зеленой раме окна, к замызганной коричневой занавеске. Возле голой тусклой лампочки, торчащей из стены сразу над дверью, они плыли чуть быстрее... Красивый все-таки домик.

Из-за головокружения я решил выйти обратно на воздух. Взял плед, сложил его вчетверо и бросил на бетонное крыльцо, на верхнюю ступеньку. Глубоко вздохнул, заварил чаю и сел разглядывать темноту.

Облака вновь стали подползать к моему дому. Костер мало-помалу потухал, угли сверкали среди крупных камней. Я взял тряпку и затащил несколько горячих камней в дом, а затем вернулся сидеть на крыльцо.

В темноте, ниже по склону, где в земле вырыта яма для мусора, послышался шорох. Ну все ясно, гости пожаловали! Я взял светодиодный фонарь и стал светить в сторону помойки. Из тьмы – из-за тумана свет фонаря лишь слабо вырисовывал очертания громадных туш – на меня уставились три пары зеленых светящихся глаз. Не знай я, что это гауры пришли пощипать травки да порыться в мусоре, – точно бы описался. Раньше я не знал, что в свете фонаря их глаза

сверкают зеленым.

Я погасил фонарь, закурил биди (но, почувствовав новый прилив тошноты, погасил и биди) и стал прислушиваться. Быки шарились возле помойки. Без фонаря их совершенно не было видно. Туман подползал прямо к моим ногам; я был готов, если что, рвануть в дом... в два прыжка!

Пару минут гауры торчали у помойки, не привлекая особого внимания – у нас, что называется, пакт о ненападении! – затем издали послышался лай собак (у них-то нет пакта), а потом и голоса людей. Там, за кустами, на тропе, которая ведет с самого верха, от самого кафе, начал мелькать свет фонарей. Свет приближался, голоса людей и лай собак усиливались. Все вместе они вломились на мой склон и начали лаять и улюлюкать. Послышался шум: какой-то хруст и тяжелый топот копыт. Судя по шуму, гауры бежали вниз по склону, мимо дома Маркуса, а собаки не давали им опомниться. Интересно, а моя гончая тоже была среди них? Кто знает, кто знает...

Некоторое время спустя пришел Маркус и рассказал, что быки ни с того ни с сего вышли из леса и стали бродить по всей деревне. Говорят, их было десятка полтора. Маркус их сам не видел, ему рассказали местные. Какой-то турист наткнулся на гаура прямо на дороге и тотчас поднял панику. Обычно-то быки пасутся в окрестностях, а в самую деревню редко заходят. Особенно в таких количествах.

– Да они уже недели три каждый вечер приходят, – объ-

ясняю я Маркусу.

– Ты уверен? Как правило, они сторонятся людей.

– Они у этой помойки каждый вечер ошиваются. Точно тебе говорю! А ночью и на моем крыльце. Мне даже в туалет из-за них бывает не выйти. Ты вот видел, что за туалетом творится?

– Нет, – мотнул он головой, – а что там?

– Да там у них свой собственный туалет! И не хуже моего будет!

Маркус рассмеялся. Опасность быть растоптанным гаурами – единственный существенный минус пребывания здесь. (Это я тогда так думал. О, наивность! О, юный глупый Страхов! Что стало с этим мальцом? Нет его больше нигде!)

Маркус достал портсигар с самокрутками и раскурил косяк. Мы покурили немного и посмеялись над тем, что Маркус на самом деле верит в Шиву и других. Он рассказал мне про своего мудрейшего гуру и про его ашрам.

– Маркус, у тебя случалось несчастье в жизни? – спросил я в лоб некоторое время спустя.

– Э... – замялся Маркус. – А почему ты спрашиваешь? – спросил он вполне серьезно, ведь его уже отпустило.

– Просто мне кажется, что туристы, кто заигрывает с индуизмом, – у них случалось несчастье в жизни.

– Может быть, может быть... – пробормотал он.

Он замолчал, и мне стало ясно, что несчастье в его жизни – было. Я не стал его дальше мучить. Ну что ж, я не хотел его

обидеть, просто забыл, как надо общаться с людьми. Этот навык легко утрачивается в таких местах, как это.

– А у тебя было несчастье в жизни? – спросил Маркус минуту спустя.

– У меня – было, – ответил я.

Когда умерла Ника, я сильно себя мучил, много размышлял... А потом принял это. Ну умерла она, что тут поделаешь?! Все умрут рано или поздно. Даже самые живые из нас – и те умерли. Вот Джеймс Дин, например, тоже умер. А кто бы мог поверить?! До сих пор никто из моих знакомых не может поверить! У кого ни спроси, верят ли они, что Джеймс Дин умер, – все, все, как один, недоверчиво хмурят брови и спрашивают: «Ты это к чему, Страхов?»

А вообще, конечно, не так уж и трудно понять, почему люди ударяются в ту или иную религию. В двух словах: так проще жить! Ведь если ты веришь в Бога или в богов, то в жизни есть смысл. Тогда все не зря! Тогда твое любимое существо не пропало бесследно (в никуда... В никуда! Черт, страшное дело...), и ты тоже не пропадешь. И тогда можно не беспокоиться, что тратишь впустую эту – земную – жизнь, ведь потом будет лучше. А если ты ошибаешься и Бога нет, то ты все равно никогда об этом не узнаешь. Ты в любом случае в выигрыше! Верный, как говорится, вариант! Так-с... Остается только выбрать религию поприятней (Шива, например, коноплю любит и лингамы уважает)... Что ж, это нормально – стараться обезопасить свой разум. Самообман – не все-

гда такая уж тошнотворная вещь. А иногда, в умеренных количествах, даже полезная вещь! Если подойти к вопросу с умом. Главное – знать меру!

Конечно, все это не ново, все это, может быть, даже банально! Пусть, пусть так, смейтесь, если хотите; держитесь за животики и катайтесь по полу – ваше право. Мне, знаете ли, тоже иногда бывает смешно! Мой любимый комедийный актер – Хамфри Богарт...

И все-таки необходимо напомнить о привлекательности пути наименьшего сопротивления хотя бы себе самому, чтобы понять наконец, как адекватный (как минимум на первый взгляд) человек попадает в лапы так называемых мудрецов!

Так вот, шутки, как говорится, в сторону! Главный прикол заключается в том, что люди, у которых случилось несчастье, теряют здесь чувство меры! Они с легким сердцем отвергают критическое мышление! Ведутся на сказки жадных до долларов гуру. За хорошее пожертвование они – эти бизнес-гуру, эти джет-гуру – заставят тебя в кого угодно поверить. А ты с радостью начнешь постигать «новое». Впитаешь сладостный нектар индийских софизмов! И все, соответственно, в выигрыше... на первый взгляд. У них – твои доллары, а у тебя – «просветление»! У них – коммерчески успешный ашрам, а у тебя – смысл жизни! Но надолго ли?! Ну ладно, ладно, про всяческих «мудрецов» тут и болтать-то особо не стоит. Это и дураку ясно. Так что не будем, не будем! Мы ведь с вами вроде бы не дураки, так ведь? Надеюсь,

что не дураки.

Ну а про браминов – про них можно и поговорить чуточку. Они ведь не какая-то там новоиспеченная, рассчитанная на простаков с пачками долларов секта, а, так сказать, истинное духовенство! Элита индийского общества! Наставники и учителя! Ну вот, давайте немного о браминах поговорим. Давно пора. Слушайте мою не в меру пространную историю! Да пребудет с нами Шива, черт побери!

* * *

Мы приехали в священный город Пушкар рано утром, часов, вероятнее всего, в пять. Все было еще закрыто, ни души на улице. Даже коров нигде не было. Ну вышли мы, значит, из автобуса и пошли искать гестхаус попримечнее. Надо сказать, Пушкар – одна из важнейших святынь для индуистов. Царь всех мест паломничества! Ни мяса, ни алкоголя в городе не найти. Совершенно и точно! Это уже кое о чем нам говорит...

Так вот, было еще очень холодно, и мы сильно замерзли. Ну а Кристина так вообще была простужена, только и делала, что чихала.

Убивая время в прогулке по безлюдному в такой час городу, у одного из гхат мы встретили мужичка лет пятидесяти. Мужичок приветствовал нас, он преградил нам путь и стал улыбаться добрейшей улыбкой индийского священно-

служителя. Сказал, что мы счастливики, ведь сегодня великий праздник! А он самый настоящий брамин! И кивнул для убедительности.

Несмотря на мои мирные протесты, брамин все-таки всучил нам по цветку розового шиповника и стал спускаться по ступеням вниз, к священному озеру. Он приглашал нас с собой, подзывал рукой, был до невозможности ласков. Но нет, нет, мы вежливо и многократно отказывались. Я не хотел идти – надо было снимать обувь, а каменные ступени промерзли за ночь.

Мы в последний раз вежливо извинились и решили уйти. Но не тут-то было! Брамин резво взобрался по ступенькам и никак не хотел нас отпускать. Он начал рассказывать про чудный отель с великолепными видами и грошовыми ценами. Он предложил подождать здесь, около одного из гхат, пока не откроется отель. В городе, мол, ночью вы никуда не заселитесь, дорогие мои, любезнейшие друзья туристы! Я ваш друг! Надо подождать всего лишь часок-другой.

Ну фиг с ним, подождем... А он заладил: праздник, это праздник, что же вы! Не хотите проводить ритуал? Это же неуважение! Карма, обычаи... Уж будьте любезны! Вы же в Индии! Соблюдайте обычаи! Нужно следовать за ним, нужно провести ритуал! Это же настоящая пуджа! Он потирал свое пузо, дружелюбно улыбался и подзывал меня рукой, предлагая спуститься к воде. О, он действительно вызывал доверие! Само дружелюбие!

Он позаботится о нас, он духовное лицо, святой человек! Ему можно доверять. Не стоит бояться! Это все наш добрый друг брамин сказал. Я не фантазирую, просто первые месяцы в Индии я все записывал в блокнот.

Он уже надоел Кристине, и она уломала меня поддаться на уговоры и совершить наконец пуджу. Фигли, как говорится! Сделал и забыл! Ну положено так положено, потерплю немного, померзну босиком. Может быть, даже не простужусь.

Я скинул кеды и пошел за брамином. «Какой приятный навязчивый индиец, – подумалось мне, – но все это плохо кончится, как и всегда плохо...»

Мы спустились к священному озеру, присели на корточки, как гопники, и тут он мне говорит, мол, повторяй за мной, дорогой друг. Ну я повторяю за моим дорогим другом... Мы с моим другом брамином омыли ладони водой из священного озера и стали просить у Шивы, Вишну и Ганеши, чтобы у моей семьи все было хорошо и благополучно. Мы пустили цветки розового шиповника в воды священного озера Пушкар, брамин опустил пальцы в чашу с какой-то маслянистой желтой жижей и нарисовал мне на лбу тилаку. Пуджа была окончена.

Брамин выпрямился, кивнул мне с добрейшей улыбкой на своем благородном лице и попросил сделать небольшое такое пожертвование. Так, пустяки, это совсем не много для такого богатея, как я. Короче говоря, триста рупий для Гане-

ши, шестьсот для Вишну, ну и, само собой разумеется, тысячу рупий для Шивы. Итого: одна тысяча девятьсот рупий (сорок долларов США). Если что – у него есть сдача! «Ноу проблем, ноу проблем...»

Хм... Я сказал ему, что все это довольно странно. «Вспомните, – напомнил ему я, – изначально я упорно отказывался от пуджи». Ну да, ну да, я всегда сама вежливость и осторожность! Это моя принципиальная жизненная позиция!

– Нет, – повторил я для убедительности, – я не готов сделать пожертвование, извините, дорогой друг.

На секунду я отвел взгляд на цветки шиповника в воде – они уплывали от нас, – а когда снова посмотрел на моего друга брамина, то не узнал его. Никакой улыбки на его лице уже не было, в глазах не осталось и капельки доброты, ее полностью вытеснило негодование. Он не привык получать отказы! Он – представитель высшей касты, а я, иностранец – представитель низшей! Да как я посмел?! Кем себя возомнил?! Да я же должен быть горд и счастлив, что такой великий и святой человек, как он, требует у меня паршивые сорок баксов! Что я за жмот такой?!

С полминуты он молча мерил меня взглядом... Я встал с корточек и собрался уходить. Брамин тоже встал, он перевязал свою набедренную повязку дхоти, потер седоватую бороду и снова попросил у меня рупии. Ну что значит – попросил, он не попросил, он потребовал!

Я пораскинул немного мозгами и снова вежливо отказал.

«Нет, – сказал я ему, – пожертвование – вещь добровольная, знаете ли!» И тут он не выдержал, он разъярился, закричал, что это ужасно, это очень плохо для кармы. Плохо для семьи. И для меня это, в конце концов, тоже очень плохо. Шиве нужны мои рупии! Шива не простит! И Вишну меня покарает, если я не отдам необходимые ему рупии. Ну и, конечно же, Брахма тоже примет во всем этом активное участие. Брахма вообще такое устроит! Это же его город! Город Брахмы! Браминам нужны рупии! Ведь что он, бедный брамин, будет есть, если я не отдам рупии. Он хочет есть рис, хочет есть «дал» и пить кока-колу (ну про кока-колу – это уже отсебятина... извините). А работать ему не положено по статусу. И еще у него полно приятелей, которые тоже не должны работать, а рис они уж очень любят. Они же похудеют, черт побери! Кто будет кормить это святое пузо?! А?

Короче говоря, или я отдаю тысячу девятьсот рупий, или равновесие в мире нарушится. Ох, ох... ох! Ну я же не хотел, чтобы равновесие в мире нарушилось и кто-нибудь пострадал... но все-таки, скрепя сердце, в очередной раз сказал, что не отдам ему свои рупии, и стал подниматься к Кристине – у меня жуть как замерзли ноги.

Брамин кричал мне в спину, что я еще могу исправить положение дел во вселенной, еще не поздно, я могу дать ему тысячу пятьсот рупий, и все будет хорошо, он договорится с Вишну и с Брахмой. Мне сделают скидку! Дадут рассрочку! У него есть полномочия. Он здесь не последний человек. Он

святой! Как священник в христианстве...

Потом он кричал про тысячу рупий, про пятьсот рупий... А когда я поднялся наверх и уже почти скрылся у него из виду, брамин стал угрожать мне неприятностями. Мне и всем моим близким – всем, включая домашних животных!

И тут уже не выдержал я, мне стало совсем тошно, и я остановился, замер на месте. Да как ему не стыдно?! Он угрожает моему ручному голубю?! (Бедная однопалая птица прилетала клевать гречу и вареный рис ко мне на окно в городе Санкт-Петербурге... одно время.) Увидев мое замешательство, брамин обрадовался. Перепрыгивая через ступеньки гхата, он, сломя голову устремился ко мне. Он подбежал – его глаза пылали, – он стал радостно кивать, улыбка вновь заиграла на его лице. Он чувствовал приближающуюся победу, ему больше незачем злиться, все снова идет по плану! Он добрейшей души человек, если ему не перечить... Умиротворение – это когда все идет по плану!

Но все-таки я выразил свое неудовольствие, посоветовав священнослужителю подумать о своей карме. О, вот тут-то он окончательно озверел, стал визжать на одном из индийских языков, не знаю уж на каком. Он скакал, как одержимый, и извергал проклятья (я так думаю, что это были проклятья), а мы ушли пить кофе с масалой в только что открывшееся кафе.

На следующий день мы встретили брамина в окружении туристов. О, настоящие смиренные паломники! Они жерт-

вовали ему свои евро, доллары, фунты, канадские доллары, а он – святой человек – радостно благословлял их. И у всех у них были в крайней степени просветленные взгляды. Как у местных коров... Они познали смысл! Не в деньгах счастье!

В общем, что я хотел сказать?! Кое-что хотел. В Индии полно людей, которые бегут от чего-то. Одни бегут от несчастья, другие – от однообразия жизни, что тоже своего рода несчастье. Конечно, есть и иные, те, что просто-напросто идиоты (этих еще дома дрессируют на всяческих тренингах). Ну тут и так все понятно, им лишь бы улыбаться да песни петь о том, что жизнь прекрасна. Им везде хорошо и весело, а когда становится плохо – они вскрывают себе вены (во всяком случае, пытаются). Не жизнь, а праздник! Короче говоря, все они, так или иначе, перебарщивают с самообманом. (Мы не берем в расчет позеров. Этих, конечно же, везде хватает.)

«Ну а как же те, у кого все благополучно в жизни сложилось? – спросите вы. – Почему и они заглатывают наживку как караси? А? И заглатывают ли? Что-то в твоей теории не так, Страхов, чего-то ты недоговариваешь. Попахивает наебаловом!» – резонно возмутитесь вы. Ну, разумеется, недоговариваю! Не могу же я вам тут обо всем сразу рассказать. Это всего лишь мой личный опыт. Я же не гуру, не могу знать все и обо всех. Впрочем, ладно, если хотите, вот вам и про благополучных толстосумов! Мне и такие встречались.

Эти толстосумы спешат первее других проглотить нажив-

ку, с жадностью обогащая свой внутренний мир. Им материальные блага уже давно наскучили. Пресыщение! Что им эти блага? Что им это благополучие? Да скука смертная – вот что! Они же не такие простаки, чтобы вестись на дешевку от Apple. Нет-нет, они куда умнее! Теперь они потребляют пищу духовную. Наш дорогой друг брамин (а уж всякие «мудрецы», которые куда красноречивей...) еще Роналду Макдоналду фору даст. И Стиву Джобсу даст фору.

Им хочется хлебнуть дерьма, и они готовы за это платить. Они готовы платить по две тысячи долларов, чтобы стать волонтерами. Ребята из Чикаго были горды, что им позволили мыть сортиры в индийской школе. «Так дешево! Так дешево! – повторяли они. – Всего две тысячи с человека! Мы же спасаем мир! Разве мы не молодцы?!» – «Конечно, конечно, Джуди, вы с Майком настоящие молодцы! Вы герои! Майк, только, пожалуйста, не закидывай ноги в ботинках на мое сиденье, пока я хожу в туалет, хорошо? Я понимаю, они у тебя затекли и ты хочешь их вытянуть на минутку-другую, но ты же в этих ботинках ходишь в туалет, а в поездах туалеты... ну ты понимаешь, Майк... Что? Тут не до ботинок, когда надо спасать мир? Конечно, конечно, разумеется, ты прав, Майк! Извини...»

Много позже, когда я уехал из деревушки X и уже направлялся в Непал, история с брамином повторилась. В Варанаси – в священном городе Варанаси! – я должен был пожертвовать пять тысяч рупий на дрова для кремации одного неиму-

щего. То есть это брамин решил, что я должен. Моральный долг! Он минут сорок распинаясь передо мной, доставал меня своими историями о несчастьях индийского народа, пока я наблюдал за ритуалом сожжения, а затем потребовал денег. И все по новой: карма, проклятья, еще не поздно, хоть пару тысяч, ну хоть пятьсот рупий и так далее. Несчастья! Миру конец! Дхарма, в конце концов, капут! Только пять тысяч смогут отсрочить конец света! Йа-йя, йа-йя... – этот мудозвон принял меня за немца. У русских, как говорят русские, он больше двух тысяч не просит.

Разумеется, были и другие брамины, но там ничего примечательного, они были слишком ленивы и плохо говорили по-английски. Они просто не смогли бы как следует объяснить, что проклянут меня, если я не отдам им все свои рупии. У меня ведь – они это знают наверняка, тут спорить бесполезно – целый восьмидесятилитровый рюкзак долларов и евро. И целая сумка рупий! А я жалкий жмот, раз не раскидываюсь деньгами направо и налево. Чего, спрашивается, приперся в Индию, раз денег нет?! Никакого тебе просветления на халяву! За все, как говорится, надо платить!

И все-таки поначалу я никак не мог уяснить, действительно ли хиппующие путешественники верят своим туристическим гуру, браминам, садху или они играют, развлекаются, ходят в дхоти и строят из себя индусов исключительно из интереса, забавы ради. Ну, чтобы, например, дома было о чем вспомнить и чем похвастаться перед «обывателями». А

потом, когда мне случилось послушать некоторых из них, я с удивлением отметил, что все-таки у многих случилось несчастье... или, по крайней мере, они были замучены рутинной. (О, эта серая моль так изящно пожирает душу!)

Они бежали в сказочную страну с древней богатой культурой, а попадали на помойку с ворьем и прохвостами, так и липнувшими к туристам. И что теперь? Вернуться домой и признать свою ошибку? Ну уж нет! Проще заставить себя поверить в сказочную страну. Они ведь ехали с определенным настроением. У них был план! Просветление! Нельзя отступать от плана! Иначе просветление – капут! Вот они и балдеют от Индии. «Инкрэдибал Индия! Оу-е! йе-а!»

Ну так вот, поэтому в тот вечер я и спросил у Маркуса о несчастье. Но Маркус ничего мне не рассказал. Он нахмурился и ушел в себя. А потом ушел к себе в домик готовиться к ночной вылазке на обзорные площадки. Просветление в Индии – еще та мышеловка для изъеденных душ. Это настоящий бренд! Даже кока-кола может позавидовать такому грамотному пиару.

Ну ладно, ладно, ничего, здесь в горах все по-честному: плати четыреста рупий в сутки и тебя никто не тронет. Никаких тебе браминов, никаких мудрецов, никаких толстопузых туристических садху. Четыреста рупий – и делай, что хочешь.

Ну вот, я и пошел вверх по склону к лавке, где продают яйца по пять рупий за штуку. Эта лавка работает допоздна.

И продавщица там всегда улыбается. Я купил десяток яиц, белый хлеб, пачку крекеров и стакан джема на развес. Двести граммов джема. Джем с крекерами – то, что надо для поднятия настроения. Наделаешь целую тарелку и «хрум-хрум» – уплетаешь с радостью и с кофе после завтрака. Так можно целую жизнь прожить, сидя на крыльце возле дома, и ни капельки не заскучать. Какая там скука, когда в организме нехватка джема!

Теперь нам с гончей хватит еды на пару завтраков. Теперь – я спокоен. А вообще, конечно, снова пора сходить в город Y за овощами и фруктами. Там продаются замечательные маленькие арбузы. Арбузы размером с хорошее яблоко! А вот папайя здесь не очень, сплошь зеленая. Из таких разве что светильники на Хэллоуин вырезать.

Дальше, как всегда, наступила ночь. Я нагрел воды кипятильником и пошел мыться в кирпичную пристройку. Запер дверь и, дрожа от холода, стал намыливать себе бока.

Если встать на цыпочки, то в маленькое окошко, в котором нет стекла, видна долина. Я все подумываю туда как-нибудь спуститься, да все ленюсь. К тому же отсюда она выглядит великолепно, и мне не хочется в ней разочароваться, как в здании Ленэнерго на Ленинском проспекте, в Санкт-Петербурге. У этого здания такая подсветка, что кажется – если идешь рано утром или поздно вечером, – кажется, что там не работа, а сплошное веселье. Вечный праздник! А вот если подойти поближе и рассмотреть получше, то становит-

ся ясно, что это самое обыкновенное убогое здание и никакого веселья там нет и в помине. Просто иллюзия. Вот так и с Индией.

* * *

В один из дней на моем склоне возникли две фигуры: парень и девушка. Просто и нагло ворвались на мой склон. На мой одинокий, отделенный густыми кустами и деревьями от остальной деревни, в меру крутой и в меру пологий склон. Им, этим двоим наглецам, на вид лет по двадцать пять – двадцать семь. Девушка с кудрявыми, пшеничного цвета волосами, собранными в хвост, в пестрой индийской юбке и зеленой флисовой толстовке. Парень – смуглый, с недобрый взглядом, глаза в тени под панамой, от этого взгляд становится еще более отталкивающим. Само собой, он небрит.

Парень и девушка кинули свои рюкзаки под куст недалеко от помойки, где по ночам ошиваются гауры, и пошли, по видимому, искать себе жилье. Ни «здрости», ни «до свидания», – ничего.

Ну а я пил кофе с крекерами, сидя на крыльце, и гладил свою гончую. Я сразу понял, что это русские. По глазам. Взгляд у этого парня был слишком дикий. Он словно всем вокруг бросал вызов. Этакая бойцовская рыбка. Ему, наверное, и невдомек, что всем наплевать, что эта деревня – не банка с пауками.

Прошло минут, наверное, тридцать или сорок, прежде чем они наконец вернулись за своими рюкзаками. Девушка заметила меня, сидящего на крыльце. Она улыбнулась и стала подниматься ко мне. Парень остался недобро хмуриться у кустов с рюкзаками. Девушка оступилась, попав ногой в ямку, но не упала, а лишь засмеялась, подумав, наверное, что выглядит неуклюжей. В целом, так и было. Совсем неуклюжая девчонка, забавная... и вроде бы веселая.

– Привет. Ты не знаешь, тут где-нибудь можно снять комнату рупий за двести? – спросила она по-английски.

– Нет, здесь это нереально. У них фиксированная цена – четыреста рупий... Хотя некоторые пытаются сдавать и за пятьсот и за шестьсот рупий. А за двести – нереально. Я сам тут полдня искал домик подешевле, пока не понял, что они, местные, сговорились, – сказал я по-английски. – А ты случайно не из России? – сразу добавил я.

– Да! А ты что, тоже из России? – продолжала она говорить по-английски.

– Да, – ответил я по-русски, и она засмеялась.

– Меня зовут Катя, – протянула она руку, и я пожал ее.

Рука была теплая и приятная на ощупь. А мои руки вечно холодные, точно такие же холодные, как и мои ступни.

– Я Уильям, – сказал я.

– Уильям из России? – удивилась она.

А я давно привык, что все удивляются. Одно время меня это раздражало, а потом я устал раздражаться. Это уже

смешно. Что тут такого? Ничего необычного!

– Да, – говорю я, – папа увлекался Шекспиром в молодости. Вот. Меня зовут Уильям Александрович Страхов, – сказал я как бы с неохотой.

Иногда я даже и не объясняю ничего. Сколько можно удивляться уже?! До бесконечности?

– Да уж, – снова засмеялась она и оглянулась на сурового парня внизу, у рюкзаков. – Может, посоветуешь, где лучше снять комнату?

– Да, да, конечно! Посоветую. Тут есть неплохой домик. Двухэтажный! Там первый этаж свободен. Скоро придет хозяин... – сказал я. – Это вон там, – махнул я в сторону двухэтажного домика Семы.

– Отлично, – она снова посмотрела на парня. – Денис, – крикнула она ему вниз, – давай поднимайся.

Парень недовольно поплелся вверх по склону, к нам.

– Это Дэн, – сказала Катя.

– Уильям, – представился я и протянул ему руку.

Он недовольно пожал ее и уселся на бревно возле костра. Занял мое обычное место... Катя последовала его примеру, а я остался стоять возле крыльца.

Несколько минут мы молчали... Я не знал, что им сказать. Они принесли с собой что-то вроде уныния пополам с напряжением. Вдруг я почувствовал ту гадкую разновидность неуверенности в себе, из-за которой тебе обязательно надо что-то делать или говорить, чтобы чувствовать себя

нормально в компании, чтобы молчание не становилось тяжким. Это чувство давно меня не посещало, и я даже поверил, что полностью от него избавился. А вот, оказывается, и нет.

В последние месяцы я мог молчать с кем угодно, и мне не было при этом некомфортно. «Должно быть, – подумал я, – все из-за того, что я давно не видел соотечественников и мне не хотелось выглядеть нелюдимом». Когда я это понял, мне стало наплевать и молчание перестало тяготить меня. И я мог говорить, а мог и не говорить.

Потом я вдруг вспомнил про бизонов и захотел рассказать Дэну и Кате... Но тут я увидел, что к нам направляется хозяин. Он, как всегда, улыбался, растягивая свой рот и черные густые усы. Хозяин нес мне дрова. Целую большую вязанку дров и бутылку голубого бензина! А я уже подготовил триста рупий без сдачи. Двести – за дрова, сто – за бензин.

– Хеллоо, – звонко сказал хозяин, можно сказать, пропел.

– Хеллоо, – так же звонко ответила ему Катя и улыбнулась.

– Эти ребята хотят снять комнату, – сказал я хозяину.

– Окей, окей, ноу проблем, ноу проблем, – сказал он. – На какой срок? – обратился он к Кате.

– Хм... ну, пожалуй, дней на десять, – ответила Катя.

Дэн все молчал и хмурился.

– Оке, оке (ударение на о), – хозяин закачал головой из стороны в сторону. – Четыреста рупий в сутки.

Дальше они начали торговаться, и, надо заметить, Катя делала это вполне себе неплохо. Но, как я уже упоминал, мест-

ные сговорились, и хоть ты тресни, а не собьешь цену. Четыреста рупий за двоих, триста рупий за одного.

«Оу! Что?! Что я только что сказал?! Вот это да! Хм...» И тут я понял, что, с тех пор как уехала Кристина, я ежедневно переплачиваю по сто рупий. Балда! Надо бы разобраться и вернуть разницу! Я же не какой-нибудь там миллионер, у меня просто-напросто нет работы и в ближайшее время не будет. Надо экономить!

Я подождал, пока они закончат торговаться, и сказал хозяину, что живу один, а плачу за двоих. На что хозяин, не задумываясь, ответил, что этот домик в любом случае стоит четыреста, поскольку лучшего вида во всем Тамил-Наду не сыскать. Ну я вам про виды уже говорил. Ладно, в этом он прав, за виды можно и переплатить. Но все-таки я думаю, что меня опять надули, как и всегда в Индии. Здесь тебя всегда дурят, на каждом шагу. Как сказал Маркус, к этому надо привыкнуть. Если ты не примешь Индию такой, какая она есть, путешествие по ней превратится для тебя в тяжелую работу. Так сказал Маркус.

Что ж, я, кажется, уже привык и не нервничаю по пустякам. Или мне только кажется... В конце концов, что мне эти сто рупий в сутки?! У меня же целый рюкзак долларов! И миллион евро в маленькой сумке для документов! Ну ладно, ладно, это всего лишь шутка. Денег у меня не так много. Мне, в конце концов, может и не хватить на мою кругосветку. Постараюсь не лопухнуться в следующий раз!

Итак, они все ушли, а я пошел рубить дрова, потому что хозяин принес слишком крупные. Ну хоть топор оставил... Я был в возбуждении после общения с новыми людьми, и дрова были очень кстати. Они быстро отвлекают от суеты мыслей. «Хрясь! Хрясь! Хрум! Бабах!» – и я уже позабыл все свои сомнения.

* * *

Ближе к вечеру ко мне заглянула златовласка Катя. Она позвала меня выпить вина да поболтать. Они, мол, по общению с русскими соскучились. Когда это они, интересно, успели? В Индии же одни только русские! Русские да евреи...

– Сколько ты уже в Индии? – спросила Катя.

– Ну, месяца три вроде. Я немного запутался в днях... А вы сколько? – спросил я в ответ.

– М-м... я два месяца, а Дэн полтора года. Да, Дэн? – окликнула его Катя.

Дэн не ответил.

– Полтора года?! Неслабо! – удивился я. – И не устал? – спросил я у Дэна.

Он снова не ответил.

– О, он так устал от этих местных! Он их просто не переваривает! – ответила за него Катя.

– А-а, понятно. Конечно, от Индии быстро устаешь. Надо привыкнуть! Врубиться в свою беспомощность! Врубиться,

что ничего здесь не изменишь на свой лад! А я только сейчас начал врубаться, когда очень устал...

Она рассмеялась... почему-то.

– По тебе не скажешь, что ты сильно устал. Вот по Дэну сразу видно, что он устал, – посмотрела она на Дэна, который так и хмурился в своей фиолетовой, выцветшей от солнца панаме.

– Три недели назад я был почти как он. Ну то есть не совсем, конечно... но от Индии я действительно порядком устал. Надоело их бесконечное вранье и грязь. Все не могу научиться не обращать внимания. Но я пытаюсь... пытаюсь... Я поэтому здесь и торчу три недели. Прихожу в себя, так сказать.

– Ты здесь три недели? – удивилась Катя.

– Ну да, около того.

– Так ты и Новый год здесь встречал?

– А, ну да. Здесь встречал, – кивнул я.

– И как тебе, не скучно было? Тут, я смотрю, не очень-толюдно, – она посмотрела на деревья, начинающиеся за сетчатым забором, прямо напротив их двухэтажного домика.

– Да уж, на Новый год вообще никого не было! Пришлось одному справлять.

– Ооу, бедный, – пожалела она меня, – а мы в Гоа, большой компанией. Классно отметили! Нас так накрыло... – оживилась она от воспоминаний.

– Ну да, а чего там еще делать... – сказал я с вырвавшимся

презрением; не удержался.

– Где, в Гоа? – недопоняла она.

– Хм... мм... ну... да...

– Ну там атмосфера же...

– Хм... не знаю, не знаю, Гоа не по мне. Я разочаровался в Гоа. Столько про него все болтали, а в итоге – Сочи. Нет, даже хуже, чем Сочи, Гоа – как Анапа. Только наркоты больше, и все строят из себя черт-те кого...

– Эй, не гони, – прервал меня Дэн и заставил вздрогнуть от неожиданности. Я успел забыть, что он рядом, ведь все это время я смотрел на собирающийся закат.

Мы сидели у входа в их домик: повсюду валялись крупные бревна, которые нельзя жечь бесплатно... а за рупии – пожалуйста.

– В смысле? – спросил я.

– Не гони на Гоа, ты не врубаешься просто.

– Во что я не врубаюсь?

– В Гоа! Блядь! – заорал он. – Это лучшее место! А вся ваша остальная Индия – дерьмо. Дерьмо собачье эта остальная ваша Индия! И все вы – тоже дерьмо безмозглое! Вам всем не понять!

Он был взбешен; не было никакого смысла ввязываться в спор. В спорах вообще нет никакого смысла, если тебя это не забавляет. Меня вот – не забавляет.

– Хм... не буду спорить, – сказал я и отхлебнул вина из бутылки.

Толку-то спорить, все равно не разубедишь, а только настроение себе испортишь. Я вот, к примеру, не понимаю, зачем ехать за тридевять земель, чтобы только и делать, что квасить да обдалбываться вместе с соотечественниками. Чем им Купчино не угодило? Может, они просто не из Петербурга?

– А откуда вы? – спросил я...

А, ну точно, они из Москвы.

Ну что ж, тогда понятно, тогда ясно, в Москве-то Купчина нет, вот и приходится им мотаться в Гоа. Бедняжки... Ну конечно, конечно, в Гоа климат, цены низкие... Но все равно не понять мне их, истинных ценителей Гоа. Единственное хорошее воспоминание о Гоа – это мое блохастое пончо с фли-маркета.

А между тем Катя все пыталась растормошить Дэна. Она села к нему поближе, тискает его, растягивает ему рот своими руками в попытке заставить его улыбнуться. А он не реагирует. Она снимает с него панаму, и я вижу, что у него на голове короткий ежик с какими-то проплешинами. Дэн отбирает у нее панаму и надевает ее.

– Да отвали ты уже, – прикрикнул на нее Дэн, а затем встал и ушел в дом.

«Бабах!» – хлопнула дверь.

– Денис очень любит Гоа... Он устал от настоящей Индии, – пояснила Катя.

– Он болен?

– Что? – удивилась она. – Чем болен?

– Ну-у, волосы же, – намекнул я на проплешины.

Она засмеялась, положила одну руку мне на колено, а второй – кокетливо прикрыла рот.

– Нет, что ты, это он неудачно состриг дреды.

– А-а, – улыбнулся я и в очередной раз отметил для себя, что в Индии во всем начинаешь подозревать заразу. – Просто я у собак такие вещи видел, вот и подумал, что лишай какой-нибудь или еще что.

– О, только не говори Дэну. С тех пор как мы уехали из Гоа, он действительно стал похож на плешистую собаку, – понизила она голос и шкодливо улыбнулась. – Он меня просто утомил.

Тем временем закат размазался по горизонту, и мы молча стали наблюдать, как солнце растворяется в небе среди макушек деревьев, из-за которых не видно долину.

– Закат надо смотреть с моего крыльца! – сказал я Кате, и мы поднялись ко мне.

– Ах, – она схватила меня за руку, – вот это да! – воскликнула она, увидев долину, в которой уже горели сотни маленьких огоньков.

И снова посмотрела на меня, а затем снова на долину.

– Вот поэтому Сема и хочет захватить мой домик.

– Кто? – спросила Катя.

– А, просто один знакомый. Он, кстати, ваш сосед. Семен живет в верхней комнате, но мечтает перебраться в мой до-

мик. Это его заветная мечта!

– Я его понимаю, – сказала она, не отрывая взгляда от насыщенной красок над вечерней долиной.

Луна уже плыла по небу...

Мы сели на бревно у костра и стали болтать о том и о сем. Она спрашивала, долго ли я собираюсь путешествовать и куда поеду дальше, после Индии. А я спрашивал, давно ли она путешествует. Оказалось, что это ее первое большое путешествие.

Катя работала консультантом в каком-то бутике, училась на вечерке на юриста, а потом ей все надоело, и она уехала в Индию. В поисках новой, интересной жизни! И приключений! Она просто ответила на десять тысяч вопросов о Пакистане в анкете на индийскую визу и упорхнула... как птичка из клетки (ее слова). Первым делом она поехала в Гоа, где познакомилась с Денисом. Теперь они путешествуют вместе! Обычная, в общем, история (ее слова).

Катя угостила меня «Мальборо», а я угостил ее биди. Мы допили вино, и она ушла к себе. А я стал, как обычно, готовить ужин. Дров у меня теперь достаточно. За двести-то рупий! Но все-таки дорого, дорого...

Я нарезал кольцами лук, помидоры, перец, обжарил все это и положил на тарелку. Затем я пожарил картофель и смешал его с овощами. Вскипятил воды и сделал кофе. Пара капель лайма – и кофе приобретает новый вкус! Я подсушил на огне белый хлеб и намазал один кусок джемом, а второй –

авокадо. Выбрать в этих краях спелое авокадо – целая наука! Несколько десятков плодов надо перетрогать, чтобы найти более-менее спелый. С ананасами – та же проблема. И с другими фруктами и овощами. Сплошь неспелое продают.

Закутавшись в пончо и надев тонкую шерстяную шапку, я уселся ужинать на крыльцо.

Быстренько проглотив свой благословенный овощной ужин, я решил прогуляться до ближайшей обзорной площадки. С этих небольших полянок на самом краю, перед самым обрывом, где деревья не мешают обзору, открываются неплохие виды.

Конечно, там я уже бывал, и не раз. На всех этих обзорных площадках я бывал, но то было при свете дня, а в свете луны – совсем другое дело! Так говорит Маркус.

Обзорные площадки лежат ниже, до них надо спускаться по тропе, и виды на них ничем не лучше моих видов, но все же виды там иные. Всё больше на горы. А у меня – сфера-долина на фоне дальних гор, выглядывающих друг из-за друга. Есть в них что-то от Ван Гога... Они как будто плывут по небу.

Ну вот, пойду, думаю, схожу для разнообразия, поглазею на ночные горы. Вот только неясно, что я там должен увидеть в темноте?! В свете фонаря, что ли, эти горы красивы? Впрочем, Маркусу, как мне кажется, доверять можно... Если он сказал, что ночью там виды лучше, – значит, виды там лучше! И я потопал, прихватив большой светодиодный фо-

нарь. Луна – фонарь ненадежный.

«Топ-топ, топ-топ, прыг-скок...» – сбегая я вприпрыжку. Сбегая, потому что местами склон достаточно крутой для такого неуклюжего молодого человека, как я. Не рассчитал я, короче говоря, скорость, не уследил за своими человеческими ногами. Опять чуть не кувыркнулся. Летел – целых два метра, а все-таки приземлился на ноги!

Затем я взял ситуацию под контроль! Вышел на тропу, которая делит большой склон на две части: на наш с Маркусом склон и склон Семы; делит и уходит далеко вниз, разветвляется там на множество узких тропинок, ведущих черт знает куда. Здесь у нас нижняя окраина деревни, ниже – всего пара одиноких домов, которые лишь с натяжкой можно отнести к деревне.

В общем, вышел я на эту артерию туристической жизни (в трек ходят именно по этой тропе) и пошел мимо двухэтажного дома Семы вниз... Остановился на секундочку, повернул голову направо, вижу: фигура сидит у костра. Ворошит тлеющие головешки палкой. Фигура выглядела в точности как Дэн... На ней тоже была панама.

«Ну-с, – подумалось мне, – без наркоты Дэну положительно скучно. Вот и все. Катя сказала, что у них с собой – ну ничегошеньки нет! Что ж, Маркус продаст им хорошей травы, и все у Дэна наладится», – додумал я свою мысль и стал потихоньку спускаться. Стал смотреть под ноги и бояться змей.

На первой обзорной площадке никого не было. Ни лю-

дей, ни змей... Метрах в десяти от меня стоял домик некоего бунтующего местного. Местного, который не желает сдавать свой родной дом туристам! Вместо этого он вечерами врубает народную музыку на всю катушку и выставляет на подоконник магнитофон. Сегодня свет в его доме не горел и музыки не было слышно. «Странно, – подумал я, – еще не так поздно, часов, думаю, девять или десять...»

Постоял я немного, поглазел по сторонам, насколько это было возможно. Фонарь-то у меня направленного действия. Выхватит небольшой кусок горы, и только. Плюс облака, они тоже мешают обзору. «Ну а луна?» – напомните вы мне. Ну а что луна? Что луна? С таким туманом луна мне не помощница!

В конце концов мне стало холодно, я не нашел ничего интересного. Наверное, сегодня слишком туманно. Ладно, все, дальше я не пойду, толку нет совершенно. Можно только расшибиться. Тут же сплошные обрывы... Я просто устал ежеминутно рисковать жизнью!

И только я подумал о своей жизни и ее безопасности, о благополучии и душевном спокойствии, как тотчас где-то вдалеке взбесилась собака. Ее лай встревожил меня и очернил мои светлые мысли. Не бизоны ли часом пожаловали? Вот про них-то я и забыл, а ведь не стоило бы!

Потихоньку я стал подниматься к своему рыжему дому, к своему островку безопасности! Направлял фонарь то вдаль, чтобы ненароком не напороться на диких быков, то под но-

ги, чтобы не упасть и не убится. Вот странная штука – внезапная смерть. Внезапная смерть – это же так нелепо! Это еще Альбер Камю понял, когда насмерть разбился на автомобиле... Как можно себе объяснить, что все твои планы на завтра (да и на сегодня) ни черта не стоят, пока на земле существует такая вещь, как случайность?! Что будет со мной завтра вечером?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.